

ВАМ И НЕ
СНИЛОСЬ

ГАЛИНА ЩЕРБАКОВА
И
АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ШЕЛОПУТ
И КОРОЛЕВА

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос = Рус)6
Щ61

Оформление серии *Сергея Власова*

Щербаков, Александр Сергеевич.

Щ61 Шелопут и Королева. Моя жизнь с Галиной Щербаковой / Александр Щербаков. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 608 с. — (Вам и не снилось).

ISBN 978-5-699-79000-5

Это первая мемуарная книга о жизни и судьбе известного писателя Галины Щербаковой, прославившейся благодаря повести «Вам и не снилось», экранизированной Ильей Фрэзом и ставшей гимном советских романтиков.

Книга, написанная любящим супругом Галины Щербаковой — Александром Щербаковым, не просто открывает дверь в биографию автора, но охватывает целую эпоху советского прошлого, в котором существовала и черпала вдохновение Щербакова. Ее необыкновенная жизнь была похожа на сюжеты ее книг, но порой даже превосходила их по степени парадоксальности и удивительности. Такую Щербакову вы еще не знали!

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-79000-5

© Щербаков А., текст, 2015
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Эти события происходили на протяжении более полувека.

Я бы не решился превратить свою рукопись в книгу, если бы меня не обогрели некоторые близкие люди. Одни засвидетельствовали, насколько могли, фактическую точность изложенного, другие убедили в благостности моего замысла, третьи — подтвердили жизненность рассказа.

Мои «эксперты» живут в пяти странах, им от 40 до 90 с лишним лет.

Вот их имена:

*Сергей Баймухаметов, Ольга Белан,
Виктория Белопухова, Дмитрий Бычков,
Леонид Доброхотов, Аида Злотникова,
Наталья Копсова, Леонид Лернер,
Ирина Мамонова, Андрей Метревели,
Олеся Носова, Ильмира Степанова,
Александр Терехов, Лена Фролова,
Ирина Фунина, Владимир Чернов,
Нина Юргенева.*

Во тьме я солнце бы нашел
с тобой вдвоем...

Роберт Бернс

ПЕРВАЯ ГЛАВА

I

Если жизни тупое лезвие
Причиняет острую боль,
Дай мне музыку, дай поэзию
Философию и алкоголь.

Я не знаю другой гармонии
В неразгаданном мире этом,
Кроме хмеля Шестой симфонии.
Кроме яда в стихах поэта,

Кроме трезвости категорий.
Кроме мыслей об антимире.
Кроме стопки, выпитой с горя
У кого-то на частной квартире...

Трудно представить, сколько мегабайтов информации (которая сейчас оказалась бы ох как нужной) пронеслось за полвека в моем сознании, не запечатлев в конечном счете на флэшках памяти ничего, кроме «ярлыков»: да, что-то было... И сплыло. А вот это стихотворение — нет, не сплыло. Потому что связано, скажу высокопарно, с новой эрой моего существования. Как бы частное, сугубо личное благовестие.

...Это было не один раз. Я просыпался от беспокойного и в то же время требовательного взгляда.

— Что?

— Я опять испугалась: а если бы мы с тобой не встретились?!

И было совершенно ясно — в этом был бы виноват я. Как, впрочем, все равно виноват в том, что наша встреча не была predetermined и оказалась зависимой от каких-то глупых, необязательных, легкомысленных (вот именно) обстоятельств. Вообще, чем этот человек столько лет занимался вместо первой в жизни заботы — обеспечить судьбоносное randevu?..

Да уж, легкомыслия в этом сюжете хоть отбавляй.

Вернемся к стиху. К сожалению, тут не обойтись без предисловий.

Поступив в университет, я классно учился только один семестр — из боязни оказаться несостоятельным студентом. А сдав первую сессию, недавний пацан из скромного, не слишком просвещенного барачного уральского городка распустил вожжи, в которых до тех пор себя держал.

Вот свидетельство тому. *(Я, старый журналист еще той школы, стараюсь писать эти мемуары, честно напрягая память, но все же хочу иметь в основании хоть какие-нибудь «письменные источники». Память божится: все, что в ней записано, — чистейшая правда. А я уличаю: вот видишь — конверт, на нем штемпель с датой, и она почти на полтора года отличается от той, какую только что выдало воспоминание — с природными и прочими подробностями. Так что*

я обложился бумагами — от кучи раздобытых писем до трудовых книжек, удостоверений и пропусков в лечебные учреждения.) Так вот, мой персонаж (то есть я) писал знакомой девушке: «А вообще я живу свободно, читаю художественную литературу, изредка хожу на лекции. Над собой работать не в состоянии и никак не могу заставить себя работать вообще над чем-нибудь. Если в первом полугодии меня подгонял страх перед первыми экзаменами, то теперь меня вообще ничего не подгоняет. Чувствую, что так жить человеку не полагается, но тем не менее, куда не окажусь перед какой-нибудь грозящей катастрофой, вряд ли сумею взяться за дело. Таков мой организм, то бишь характер».

Примерно в то же время моя мама писала мне: «Большой организованностью ты никогда не отличался, а упорства у тебя хоть отбавляй, вот я и боюсь, что ты не сможешь должным образом организовать свой режим...» Что правда, то правда. Я тогда безраздельно предался тому, к чему манило всегда. В УрГУ (Уральский государственный университет) мне в то время были милее, скажем, не шлягерные лекции Михаила Китайника, завершавшиеся аплодисментами аудитории, а хор Вадима Борисовича Серебровского, куда я быстренько записался, и в городе Свердловске «моими домами» стали театр оперы и балета, консерватория (там я как-то примостился к кружку критиков, который вела, если не изменяет память, Иветта Викторовна Грамбицкая), филармония с шикарным, как я потом понял, оркестром под руководством Павермана и Фридендера.

Мне удавалось втягивать в мои интересы и друзей по общежитию. Помню, как мы с Валентином Логиновым зачем-то выступали в консерватории (!) в дискуссии о творчестве молодых композиторов. А с Леней Доброхотовым мы...

Но тут опять требуется микроотступление. В то время моя жизнь проходила, можно сказать, под знаком Шестой симфонии Чайковского. Как одно время выражались наши дети, я «тащился» от нее. И, конечно, не мог не увлечь своего друга в филармонию, когда там в очередной раз Марк Паверман представлял Шестую.

Время от времени в ходе концерта я смотрел на Леню. Он был очень задумчив. Сказал бы, естественно задумчив — при такой-то музыке. А иногда даже что-то шептал...

Надо сказать, что Леня Доброхотов в ту пору был поэтом. Как, наверное, добрая половина нашего курса. А поэты, они такие... Короче, в антракте он мне сказал:

— Послушай, Искандер (так он меня почему-то звал)...

И прочитал: «Если жизни тупое лезвие...» и т. д. Все там, в общем, с точки зрения жизненности было верно (кроме «выпитой с горя»; скорее все же — с радости ветреного существования, будь оно, горе, я бы наверняка запомнил; так что это просто обычный поэтический байронизм).

Но сейчас не об этом. А о том, что, как всегда, подруга всей моей жизни в своих тревожных догадках была абсолютна права: никаких мало-мальски разум-

ных предпосылок пересечения наших с ней судеб *не было*. А было шелопутство и дурачество. Судите сами, для начала судьбоносного процесса мне надо было оказаться в Челябинске. Для чего? Зачем?.. И вот тут мы наконец подходим к главному.

Было так. Валялись мы с Доброхотовым, тогда еще поэтом, осенним вечером на своих общежитских коечках, дурыю маялись, короче — отдыхали. Заговорили про стишок, так удачно возникший в его мозгу под звуки «Патетической». Потом — про город Свердловск, в котором нам повезло оказаться... И тут Леня вздохнул и сказал то, чего я никак не ожидал:

— Знаешь, Искандер, а все-таки Челябинск лучше.

(Доброхотов был челябинцем.)

— Такого не может быть, — удивился я.

— Челябинск уютнее.

— Сомнительно...

— Но ты же там не был.

— Это точно... Знаешь что? А я сам проверю.

Когда поезд на Челябинск уходит?

— В одиннадцать с чем-то.

— Запросто успею. — Я уже всовывал ноги в штанины.

Здесь важно знать вот что. Примерно в середине своего обучения в Уральском государственном университете я перешел на заочное отделение и начал свою, как оказалось, бессрочную, любезную моему сердцу редакционную службу. При этом оставался

в прежнем общежитии по улице Чапаева, 20 (удивительно, такое при советской власти могло быть только при хрущевской оттепели!), с ребятами своего курса сдавал зачеты и экзамены. Но главное, в класс-то не ходил! Дивная жизнь!

Разговор мой с Доброхотовым случился в понедельник. Номер своей многотиражной газетки с гордым названием «Резинщик» я, как ответственный секретарь, только что сдал в типографию, до следующего — времени навалом, редактор Валентин Аполлонович в глубоком запое, а милая Эля, наш литсотрудник, в случае чего прикроет и его, и меня.

Так поутру во вторник я оказался в Челябинске. Вышел из вокзала и пошел куда глаза глядят по улице Цвиллинга. Минут через двадцать, перед каким-то ее нелогичным поворотом направо, увидел вывеску: «Комсомолец», орган Челябинского обкома ВЛКСМ. Почему не зайти?

Оказалось, орган обкома располагался в квартире большого дома (как вскоре я понял — в двух соединенных между собой квартирах). Несмотря на ранний час, кое-кто в редакции был. Меня приветливо встретила женщина средних лет, крупная, с крупными же руками. Вряд ли бы я обратил внимание на ее руки, если бы она не передвигала ими две стопочки бумаг то налево, то направо без всякого видимого смысла, видимо, машинально. Мы поговорили с ней минут десять о жизни — в основном моей, а потом она, услышав какие-то неровные шаги в коридоре, встала.

– Вот и редактор пришел, вы здесь немного подождите.

И вышла. Как оказалось, Анна Ивановна была заведомо пропаганды, которая в отсутствие редактора исполняла его роль.

Она вернулась минут через пять и сказала:

– Иван Сергеевич хочет с вами познакомиться.

Редактор оказался красивым мужчиной со значительным, но в то же время дружелюбным лицом. Он не стал тратить время на полагающиеся процедуры знакомства и почти с ходу сказал:

– Давайте-ка идите работать в нашу редакцию.

– Но я ведь сейчас работаю, меня сразу не отпустят.

– Сколько времени вам нужно, чтобы уволиться?

– Ну, вы же сами знаете, недели две.

– Значит, через две недели приходите к нам.

Добро?..

Собственно, на этом можно было возвращаться в Свердловск. Миссия выполнена. Город, пусть и мельком, увидел, сверх программы – устроился на работу. Но надо было еще выполнить поручение Лени Доброхотова – побывать в его родном доме, познакомиться с его родителями, рассказать, как мы славно живем в «столице Урала». Невозможно было пренебречь этой комиссией («поручение, возня, хлопоты, заботы»; «Что за комиссия, Создатель...», А. С. Грибоедов). Я как бы наперед знал: здесь поворотный пункт моего существования. Именно в этой точке пространства, где не было абсолютно *никакого* резона ему возникнуть.

Конец октября 1958 года. И я уже сижу на должности литсотрудника отдела пропаганды и агитации. Вернее, не сижу, а брожу по городу и в соответствии с рекомендациями факультетского курса «Информация в газете» зорко высматриваю на досках объявлений и афишных столбах «поводы» для выступлений перед читателями. У меня есть задание составить для праздничного номера жизнеописание участника Октябрьской революции, но уже по своему опыту службы в многотиражке знаю: на это нужно не более недели. А пока — свободный поиск. И вот — пожалуйста: в музее изобразительного искусства — выставка к 41-й годовщине Октября. Считаю, готовый репортаж. А в Театре оперы и балета — открытие сезона, и всего лишь третья в истории города! До сих пор помню первую фразу своей публикации. «Паяцы» — звала афиша. Думаю, можно простить эту стилевую манерность — по молодости автора. Такими «первыми фразами» я еще частенько доставал читателя, вплоть до 65-го, до «Комсомолки», школа которой (Инна Руденко, Аграновский, Голованов, Зюзюкин, Соловейчик, Песков, и еще, и еще...) не одобряла чужие, ставшие расхожими, тронутые дешевизной приемчики.

...Так оно и пошло. Пока однажды в дверь нашего кабинета не вошла неизвестная мне особа, обвела всех нас смеющимся взглядом, сказала: «Здравствуйте», — и ушла.

— Кто это?

— Галка, наша внештатница, — ответил Виктор Никифоров, ответственный за спорт.

Я не успел разглядеть незнакомку, но понял: она красивая. Однако главным было не это. И я успел уловить это главное.

И опять — отступление.

Примерно за год с лишним до этого со мной случилась необычная история. Впрочем, можно ли это назвать историей? Скорее, казус, фантом.

Дело было в главном здании университета. Я шел в клубную часть, находившуюся на первом этаже. Проходя мимо главной лестницы, увидел сбегаящую вниз девушку. И замер. Каждое ее движение было наполнено какой-то естественной прелестью раскованности, гордая посадка головки могла бы вызывать неприятие, если бы не лучистые смеющиеся глаза. Светящиеся под неонам локоны черных волос свободно развевались на складках черного же облегающего платья. Она была как образ... счастья.

Сколько секунд я ее мог видеть, пока она сбегала по лестничному маршу?.. Но тут время как-то замедлилось, я ее увидел всю, и она впечаталась в память.

Случился укол в сердце: вот она! ОНА.

Но на самом деле время как было, так и осталось. Чудное видение на всех парах спустилось на грешную землю и, пока я что-либо сообразил, растворилось в толпе снующих туда-сюда студентов.

Надо ли говорить, что я пытался ее найти в тот день? И в другие дни приходил, надеясь на чудо. Но это видение, видимо, было дано мне не для обретения чуда. А для того, чтоб запомнить эту секундную боль — укол в сердце и образ счастья.